

Дела кошачьи

Антон Ширяев

Антон Ширяев

Дела кошачьи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70484998

SelfPub; 2024

Аннотация

Элис – не молодая и выдавшая виды кошка, живущая домашним питомцем в семье молодых родителей, впрочем, помнящая ещё беззаботные времена, когда никаких детёнышей в семье не было и в помине. Однажды привычной жизни приходит конец, с появлением в квартире нового жителя, явившегося невесть откуда, усатого оккупанта – Барсика.

Антон Ширяев

Дела кошачьи

Элис снова видела себя во сне котёнком. Этот сон приходил к ней довольно часто, но особенно часто стал сниться почему-то именно в последнее время. Сон вызывал двоякие чувства – с одной стороны щекочущую ностальгию по давно ушедшему времени. С другой стороны взрослой и умудрённой жизненным опытом кошке было немного стыдно и смешно снова стать несмышлёным котёнком, пусть даже и в собственном сне. При этом, кстати, котёнком глупым и вечно напуганным.

Сейчас Элис было смешно вспоминать, как в детстве она шарахалась от всех незнакомых людей, – будь то сантехник, почтальон или гости, кстати говоря, частенько навещающие к хозяевам. А уж пылесос вызывал тогда у неё такую паническую атаку, что хоть стой, хоть падай! Как она ещё инфаркт тогда не получила – неизвестно. Чудом, точно чудом, Бог миловал.

Элис перевернулась на левый бок, поскольку лежать в прежнем положении стало тяжело – мышцы затекли. В полудрёме она слегка улыбалась, вспоминая свою кошачью молодость. Сейчас ей шёл уже тринадцатый год – солидный воз-

раст, как ни крути хвостом. А всё же пылесос – штука очень неприятная. Даже сейчас, зная все его возможности и медлительность передвижения на своих маленьких колёсиках, Элис всё равно продолжала опасаться и старалась держаться от него подальше. «Бережёного Бог бережёт», – как говорит хозяйка. «А небережёного конвой стережёт», – как добавляет хозяин. Куда-то же эта злая, гудящая машина прячет запахи и частицы материи? Втянет в себя шерсть и больше её никогда не увидишь. «Тю-тю ляли, бяки съели», как говорит хозяйка своему младшему детёнышу.

Ещё в молодости до дрожи в лапах Элис боялась попасться в пылесос, думая, что он может и её поглотить целиком, – и ничего от неё больше не останется. Многого она боялась в детстве, и, честно говоря, была большой трусихой. Когда её принесли к хозяевам домой, очень боялась выходить из коробки, – так и сидела в ней целую неделю. Поесть выползала глубокой ночью, когда хозяева спали безмятежным сном. Она ведь, смешно сказать, и хозяев поначалу боялась. Но ничего, быстро привыкла. Даже простила им со временем самое страшное в своей жизни – операцию по стерилизации. Не сразу, конечно, но простила.

«Сами-то они детёнышей потом завели, а меня лишили радости материнства», – подумала с застарелой обидой кошка. Потом снова заворочалась с боку на бок. «А вообще, честно говоря – на фиг мне эти котята сдались. Даром не нужны». От детей одни проблемы, – это к своим годам Элис

чётко знала. «Взять хоть хозяйских детёнышей – бегают везде, громко орут, лезут всюду, норовят поймать и тискать, то за хвост тянут, то в рот лезут, то за усы теребят. Изверги – одно слово. И ума ведь совсем нет, раньше я не думала, что люди такие глупые бывают. Оказывается, бывают – когда маленькие. К счастью, поэтому их и провести легко, и убежать от них и спрятаться куда-нибудь, если совсем допекут».

Мысли о детях напрочь прогнали сон, и всю безмятежную дрему как рукой сняло. Элис прошла до кухни, понюхала пустую миску для корма, полакала водички. Однако, пора бы уже и подкрепиться. Как говорит хозяин – «Солнце встало ближе к ели, время срать, а мы не ели».

Где-то они потерялись, утряслись с утра пораньше, и пропали с концами. И ведь думают только о себе – люди, людишки, и плевать им, что у кошки вашей – хрен на блюде, извиняюсь. С утра ведь маковой росинки во рту не было. Хоть с полу крошки человеческой еды не подбирай, но ведь и придётся, если они в ближайшее время не нарисуются. В желудке уже предательски урчало, живот крутило как хозяйскую стиральную машину с бельём.

Элис прекрасно знала, что есть с полу ей категорически нельзя, иначе может разболеться живот, может жидко пронести, может стошнить на пол, в конце концов. Всё это бывало с ней уже не раз, и каждый раз хозяева были этим крайне недовольны – ругались, пичкали горькими, совершенно несъедобными лекарствами. Грозилась даже увезти к живо-

дёру – ветеринару, тьфу, тьфу, тьфу – не к ночи будь помянутому. «Постучала бы по дереву, если б умела», – ухмыльнулась в усы Элис.

Да, есть с полу объедки – это моветон, это на самый крайний случай. Беда в том, что с годами Элис превратилась в заядлую чревоугодницу. В молодости она относилась к еде гораздо проще. Сейчас же, с высоты своих преклонных лет, она не видела в жизни ничего особенно интересного и заслуживающего внимания, кроме корма. Особенно в её понимании высоко *котировался* (каламбур от слова «кот») так называемый мокрый корм из пакетиков – типа «Вискаса» или «Китекэта». Их было много видов, и все Элис просто-напросто обожала. «Ваша киска купила бы Вискас», – вспомнила Элис рекламный слоган и облизнулась. Да, купила бы, если бы у вашей киски были бы деньги на него. Хозяин частенько удивлялся, мол, что они кладут в него, интересно? Глюконат какой-нибудь? Усилитель вкуса? Или валерьянку капают? Хозяйка соглашалась, что да, это как фаст-фуд для людей – вредно, но вкусная зараза. Помнишь, говорила она, ветеринар рекомендовал кормить сухим кормом, он сбалансирован.

Все беды от них, от ветеринаров, – в очередной раз убеждалась кошка. Хотя она и сама знала, что у неё очень чувствительное пищеварение – так и на упаковке с сухим кормом, который обычно покупали ей хозяева, было написано: «Корм для кошек с чувствительным пищеварением».

Но иногда бывал праздник и на её улице – порой перепадал влажный корм. Это случалось, когда сухой заканчивался, а купить его по причине неурочного времени было уже негде. Тогда Элис начинала мяргать с удесятерённой силой, изображала голодный обморок, принималась грызть комнатные цветы из горшка на подоконнике и всячески подгонять хозяев метнуться в круглосуточный магазин за влажным кормом. Обычно спектакль достигал желаемой цели. Но поскольку теперь разыгрывать его было не перед кем, Элис вздохнула и направилась к входной двери, напрягла слух – кажется, кто-то поднимался по лестнице. Вроде были слышны детские возбуждённые голоса.

«Тараторят опять что-то», – подумала кошка, но в душе обрадовалась, услышав детский лепет, ведь одни детёныши не ходят, значит и хозяева с ними, а значит, накормят сейчас – надо только погромче начать мяукать с порога, чтоб не забыли, а сразу выдали сухой паёк.

Дети и хозяева ввалились в пространство квартиры шумною толпой, как цыгане у Пушкина. Тишина мгновенно рассеялась, начался хаос и анархия. Обычные дела. Элис хотела громко мяукнуть, но подавилась на полуслове. Хозяева и дети пришли не одни, в их руках была незнакомая бежевая сумка – переноска. Старший детёныш нетерпеливо расстегнул молнию на ней и – явление Христа народу! – из сумки неуверенно показался серо-зелёный кот в тигровую полоску с большими жёлтыми глазами. Да и сам кот был чуть не в

два раза больше Элис. «Матёрый котище, хотя явно ещё молодой», – сразу определила опытным глазом кошка.

«Картина Репина «Приплыли», то есть «Приволокли». И что это за Покемон такой?» – пронеслось в голове у Элис.

Кот неторопливо выпрыгнул из сумки, озираясь по сторонам.

– Барсик, Барсик! Кыс-кыс-кыс! Не бойся! – довольно заверещал старший детёныш.

Элис выпучила глаза на пришельца, но тут же взяла себя в руки и ретировалась в комнату.

«Этого только ещё не хватало – левого кота притащили в дом!» – подвела она неутешительный итог. Кот неторопливо прошествовал на кухню, деловито обнюхал пустую Элисовскую миску.

– Сейчас мы тебя покормим, Барся, подожди! – долетели до Элис сюсюканья хозяев.

«В смысле – покормим? С какой такой радости?» – шерсть Элис сама по себе встала дыбом от стресса.

Этот день поставил всю прошлую кошачью жизнь с ног на голову, и разделил на до и после. Сперва Элис подумала, что соседство с новым котом имеет временный характер, но дни шли своим чередом, а кота и не думали уносить или убирать куда-то. «Он явно поселился в нашем доме надолго, а может быть и навсегда!» – с ужасом думала Элис.

Хозяева принесли откуда-то вторую миску под корм, поставили в коридоре, а рядом с её лотком ещё один – для Бар-

сика.

Сперва Элис выбрала партизанскую тактику – запряталась под кровать, но хозяева и не думали её искать, упрашивать выйти, как бывало раньше. Всё внимание домочадцев было направлено на нового жильца. В квартире то и дело раздавалось – «Барсик, Барсик, кыс-кыс-кыс». И особенно действовало на нервы – «Барсик, хороший, ути-пути, хороший кот... иди ко мне, иди хороший, поглажу тебя...».

«Чем же он такой хороший?» – негодовала Элис. По её мнению кот был отвратительным захватчиком, нагло втёршимся в доверие к простоватым и глуповатым хозяевам.

Подлый котяра попытался сходу наладить контакт – подошёл понюхаться, нашёл Элис под диваном, что-то пытался говорить, мол, привет, рад видеть и т.д. и т.п. Элис сразу дала понять, что ещё одному коту в доме не рады – развернулась и убежала в другую комнату. Диалога не вышло. Барсик понял и на время оставил попытки наладить контакт. Разбрелись по разным комнатам. Видя друг друга издали, меняли направление передвижения по кривой дуге – лишь бы не пересекаться. Правда, пару раз сталкивались нос к носу на кухне возле мисок. Элис, видя «незваного гостя», (который хуже татарина, как она его про себя называла), сразу начинала яростно шипеть. Барсик поджимал хвост, бочком уходил с кухни. Возвращался только после того, как Элис доедала и вылизывала миску.

Поначалу корм насыпали сразу в обе миски, и Элис успе-

вала отведать не только своего корма, но и Барсикова. «А пусть знает наших, что ему тут не рады», – ликовала она, демонстрируя кто в доме хозяин. Но потом настоящие хозяева стали отгонять Элис от чужой миски и даже убирать её на подоконник, пока кошка не уходила с кухни. Барсика опекали и оберегали, Элис пытались вразумить: «Ну что ты как не родная, зачем шипишь на него? Пора бы уже и подружиться!»

«Подружиться? С этим толстомордым оккупантом? Да как же! Ждите да радуйтесь! Хрена лысого ему на воротник!» – Элис была совершенно непреклонна. Её раздражал новый квартирант до кончика хвоста. Ей не нравилось в нём всё, начиная с дурацкого имени. Барсик! Очень интеллектуальное имечко, каждый второй помоечный попрошайка – Барсик, а первый – Мурзик, третьего не дано. И особенно драконило его поведение. Барсик прослыл в семье ручным котиком. Он легко давался в руки, даже любил запрыгнуть к хозяйевам на колени и мурчать как трактор «Беларусь», пока хозяйские руки наглаживали его вдоль и поперёк шерсти. Мало того, он лизал хозяйевам носы, щёки, уши и даже руки. «Это же надо так низко пасть!» – возмущалась, глядя на эти телячьи нежности Элис.

«Я буду руки твои целовать! – веселился хозяин и подтрунивал – Вот, Элис, бери пример, как себя ласковые котики ведут, не то, что ты, злюка, надулась как мышь на крупу...»
«Мышь! Он посмел сравнить меня с мышью!» – сперва

Элис хотела было напрудить ему в тапки за перенесённое оскорбление, но потом, пораскинув мозгами, сообразила, что обстановка дома для этого демарша не очень подходящая. Всё-таки Элис была уже очень мудрой, выдавшей вида, кошкой.

«А ну как выгонят за порог после такой диверсии? Замена-то теперь тебе есть, вон сидит опять у хозяйки на коленях, мяучит – глаза б мои тебя не видели, позор всего семейства кошачьих, жополиз проклятый!»

Ладно, он подлизывался к хозяевам, это хоть и было низко по кошкиным меркам, но вполне постижимо, а вот чего Элис не могла понять совершенно – так это того, как Барсик переносил детские тисканья и трёпки. Он делал вид, что ему это доставляет удовольствие! А может и правда ему нравится быть мягкой игрушкой в детских руках? Бывают же на свете люди – мазохисты, почему бы не существовать извращенцам и среди котов?

Так или иначе, но кота будто бы совершенно не нервировали ни детские крики, ни посягательства. Дети обожали Барсика. Носили его на руках в прямом и переносном смысле. Да-да, в прямом – умудрялись носить даже как женскую сумку – за лапы вместо ремешков. И ещё на спине вместо туристического рюкзака. Бывало, вместо попугая на плече.

Барсику делали массаж, причём полный комплекс, включая полосатый хвост. С ним играли в доктора: «Барсик, открой рот, скажи «Аааа». Дышите, не дышите». Ставили

укол пластмассовым шприцом. Измеряли давление, натянув на лапу манжету детского тонометра из набора «Юный врач». Строили многочисленные домики, в которые водружали кота то через дверь, то через окно, а то и через отверстие в крыше.

Барсика даже пытались прокатить в машине вопреки известному стишку Агнии Барто, и Барсик с честью выдержал испытание, даже не опрокинув грузовик. Он, как ошалелый, гонялся за лазерной указкой, солнечным зайчиком, игрушечной мышкой на верёвочке. Доставалось ему и от резинового мяча, и от диванных подушек, да прилететь могло всё, что угодно – особенно во время войнушек, где Барсик играл роль фашиста со всеми вытекающими последствиями...

Его выводили во двор гулять на шлейке. «Как барбоса!» – брезгливо отмечала Элис. А уж гладили и тискали его по сто раз на дню, иной раз даже за роскошные усы.

Он лишь лениво зевал, как будто говоря всем своим видом – «дети, – что с них возьмёшь? Пускай резвятся...» Мало того, сам, по доброй воле, шёл в детскую комнату и ложился рядом с лего-городом или дорогой с машинками. Поддерживал любой детский кипиш кроме голодовки. Невероятно, но, похоже, Барсик и впрямь любил детей!

Барсик не оставлял попыток навести мосты дружбы и с Элис. Сначала Элис не давала ему даже вымолвить слово. Только он начинал здороваться и что-то мямлить, как Элис,

оскалившись и выгнув спину, крыла его трёхэтажным кошачьим матом. Потом в какой-то момент ей стало интересно, что этот усатый-полосатый тип может ей поведать, и она милостиво позволила ему высказаться.

Дело происходило в коридоре, диспозиция была выбрана удачно. Она как бы намекала – помни, откуда ты тут взялся и куда можешь отправиться в будущем. Барсик заискивающе посмотрел Элис в глаза.

– Добрый день, я хотел с Вами поговорить... – начал мямлить кот.

– Короче, Склифасовский, – изогнула бровь дугой кошка.

– Я... я просто хотел обсудить... так сказать, условия проживания... – Барсик замолчал.

– Какие условия? Не нравятся тебе наши (Элис сделала упор на это слово) условия – вали на все четыре стороны, никто не держит. Показать, где дверь?

– Нет, нет, что Вы... Вы меня не так поняли... Я вовсе не это хотел сказать...

– А зачем тогда сказал? Ты говори начистоту, без этих своих экивоков дурацких.

– Да я, собственно... меня всё устраивает, очень хороший дом и хозяйева, милые люди, и детишки такие хорошие у них...

– Когда спят зубами к стенке, – добавила Элис.

– И питание очень достойное, и уход, – разоткровенничался Барсик.

– Вот то-то и оно, ради халявных харчей ты здесь и нарисовался! Небось в твоём приюте для голодранцев так не кормили! – Элис уже знала, что этого кота хозяева принесли из кошачьего приюта для бездомных животных. Информация сия, ясен перец, уважения к новому жильцу не прибавила. Однако, Элис не стала до поры-до времени лезть в бутылку. Пусть мяукает себе, а мы слушаем. «Мягко стелет – жёстко спать», – вынесла свой вердикт кошка.

– Просто мы с вами как неродные... – Барсик запнулся на полуслове, увидев реакцию Элис, а та аж подпрыгнула на месте от такой наглости.

– Неродные?! Но-но-но, не забываетесь, юноша! Мы с Вами на брудершафт валерьянку не пили!

– Да-да, простите меня, пожалуйста, сам не знаю, зачем я это сказал... Я не это имел ввиду...

– Выражайтесь, пожалуйста, нормально, а то сопли жуёте уже пятнадцать минут... «мы же – вы же – нам же – вам же» – ничего не понять!

– Да-да, простите, я просто немного волнуюсь... понимаете, мы с Вами живём на одной территории, в одной квартире, но между нами, как говорится, кошка пробежала...

– Ещё одной кошки нам тут не хватало, – заметила Элис.

– То есть, я имею в виду, отношения у нас не очень...

– Да уж! – не удержавшись, хмыкнула Элис.

– Всё-таки давайте жить дружно – вдруг неожиданно подвёл итог своей речи Барсик.

– Тоже мне – Кот Леопольд! – рассмеялась Элис. – Послушай-ка меня, дорогуша, я тебя к себе (надавила всеми подушечками лап на это слово кошка) домой не звала и не приглашала.

– Я понимаю... – замялся кот.

– Я тебя не перебивала, дай теперь мне сказать! – ошети-нилась кошка. – Ты тут никто и звать тебя никак, усёк? Я жила здесь двенадцать с лишним лет и горя не знала, пока вдруг, как снег на мою голову, не свалился ты! И ждёшь ещё, что я буду перед тобой на задних лапках ходить? Фигушки! Не дождёшься!

– Зачем же на задних... просто можно ведь нормально общаться, раз уж так вышло...

– Молчать! – вскипела Элис, – когда я с тобой разговариваю!

И в этот момент их беседу на повышенных тонах прервали хозяева, причём варварски – веником.

– А ну-ка перестали быстро! Ишь тут, устроили разборки! Места вам мало? что ли? Разошлись немедленно, пока ещё веником не получили! Устроили тут разборки в Бронксе!

Элис было до глубины души обидно получить грязным веником в левый бок в момент разъяснения коту его прав и обязанностей. (Птичьих, по сути, прав). Барсик шустро от веника увернулся и ретировался в детскую комнату. Элис, пытаясь сохранить пошатнувшееся достоинство, нарочито медленно пошла в сторону зала.

Следующий их разговор состоялся намного позже. Со времён их первой разборки много воды утекло в лоток. Барсик к тому времени несколько освоился на новой территории. Вид он имел уже не зашуганный, а вполне гордый и независимый. Походка его стала куда более уверенной. Ушки чаще торчали на макушке торчком, а хвост был, как правило, распушён трубой.

Наконец проявились и Барсиковые минусы. Например хозев очень нервировала привычка Барсика делать «тыгыдык тыгыдык» поздно ночью или ранним утром. Как-то раз в скачущего кота даже полетел хозяйский тапок и попал в цель.

– Это зарядка, – оправдывался Барсик, – должен же я поддерживать спортивную форму.

К тому же Барсик успел однажды влипнуть в неприятную историю с воровством из тарелки с хозяйского стола. Причём пойман был с поличным, на месте преступления, не успев ни утащить, ни дожевать кусок жареной трески. Рейтинг его в хозяйских глазах сильно пошатнулся.

– Вот тебе и кот – милашка, лапочка, – приговаривал хозяин, – Мы его, можно сказать, с помойки принесли, вымыли и очистили, а он у нас же и рыбу из тарелки крадёт. – Нет, всё-таки можно вывести кота с помойки, но нельзя вывести помойку из кота. Замашки, брат, у тебя, как у бродячего.

Элис ликовала и чуть ли не плясала джигу от радости. С другой стороны она была удивлена, что у Барсика, оказывается, имелся яйца – пойти на кражу из хозяйской тарелки –

это ведь поступок не хухры-мухры, тут решимость нужна.

Барсик жалобно оправдывался:

– Простите, Бога ради... бес попутал, просто рыбка так пахла вкусно му-у-у-р, а я ведь такую люблю, а не ел её уже сколько времени. Всё ведь корм да корм сухой. Не удержался, моя вина. Простите засранца...

«Не хватало только лапок, прижатых к груди на манер кота в сапогах из мультфильма «Шрек», который так любят смотреть детёныши», – ухмылялась Элис.

Короче говоря, у Барсика рыльце оказалось в пушку, и Элис была этому несказанно рада. Что ни говори, а жить рядом с идеалом – это довольно непростая задача.

Разговор их на этот раз проходил куда более мирно. Элис уже несколько свыклась и примирилась с новым мохнатым сожителем, да и Барсик уже осмелел, каша перестала стечь у него во рту, в голосе появилась самоуверенность и чёткая позиция.

– Я понимаю, что раздражаю тебя, что свалился как снег на голову, – повторил он её же фразу, указав, что не забыл их первый разговор. – И, тем не менее, хочу заметить, что к вам в квартиру я не напрашивался. Хозяева, а точнее их детки, выбрали меня сами.

«Так вот почему ты перед ними лебезишь, теперь всё понятно», – мысленно отметила Элис).

– Не скрою, мне у вас нравится, есть, конечно, свои нюансы, но это уж мои дела. Что же касается наших с тобой вза-

имоотношений, – Барсик выдержал паузу, – хочешь ты этого или нет, но мы живём здесь вместе, и надо нам как-то ужиться. Квартира большая, – места, думаю, всем хватит. Со всем не обязательно нам ссориться, воевать... в конце концов, я сильнее и не рекомендую...

– Угрожаешь? Мне?? – Элис чуть не лишилась дара речи от такой наглости.

– Да нет же, просто обращаю твоё внимание.

Элис сглотнула комок, подкативший к горлу. Посмотрела на Барсикову мускулатуру более пристальной – а ведь он прав, ишь бугай какой, на казённых харчах вымахал, лапа как две мои, зубы как у акулы отрастил. Пожалуй, и правда, до драки лучше не доводить – костей не соберёшь.

Никакого конкретного перемирия животные так и не заключили, однако после разговора отношения их явно пошли на лад. Элис перестала шипеть, Барсик же вёл себя в её присутствии вполне непринуждённо, но не наглед, а напротив, галантно пропускал первой к мискам с кормом. Несмотря на уличное происхождение, Барсик иной раз казался настоящим джентльменом. Элис такие знаки внимания льстили и поднимали самооценку.

Однажды хозяева засуетились, по квартире оказалась раскидана одежда – какие-то пакеты, кульки были вытащены с антресолей. Хозяйка крутилась у зеркала, примеряя наряды, хозяин ходил из комнаты в комнату, и что-то отмечал галочками в списке. Дети были охвачены нездоровой лихорадкой

сборов больше всех. Они таскались по квартире взад и вперёд то с надувным матрасом, то с коробками игрушек. То примеряли разные экзотические шляпки, то искали куда-то запропастившиеся шлёпки. Сыр-бор не мог оставить равнодушными и домашних питомцев. Барсик старался обнюхать каждую выуженную из глубины антресолей и верхних полок вещь, путался под ногами у детей и взрослых. Его не остановило даже то, что хозяйка, позируя перед большим зеркалом в человеческий рост, основательно наступила ему на хвост, не заметив.

– Мяууу! – громко возмутился Барсик

– Чего путаешься под ногами, а? – парировала хозяйка

Элис отнеслась к царившему в квартире всеобщему оживлению более спокойно – эка невидаль, в первый раз что ли, куда-то лыжи наострили. Тем не менее крутилась поблизости от сборов, отмечая каждую новую деталь, как бы невзначай обнюхивая каждую новую коробку.

– Ну что, – сказал хозяин, – пора котов развозить! – и тут же сграбастал ничего не подозревающего Барсика и затолкал его в сумку-переноску-котовозку. Далее в большой полиэтиленовый пакет были сложены лоток, пакет с кормом и Барсиковы миски.

Барсик жалобно мяргал из сумки:

– За что?! Я же ничего не сделал? За что вы меня? Куда? Я не хочу-у-у!

– Ишь разорался, тише ты, не ссы – солдат котёнка не оби-

дит, – подмигнул хозяин хозяйке – и был таков.

– Не поняла юмора, – опешила Элис. – Куда его интересно? В приют, что ли, обратно? Только начала к нему привыкать – и нате. Неожиданный поворот, ну что ж, как говорится, баба с возу – кобыле легче. Хотя и внезапно как-то, могли бы предупредить, а то и проститься не успели по-человечески. Даже лапкой ему не помахала. Ну что ж, от судьбы не уйдёшь, – гуд бай, Америка.

Вскоре хозяин возвратился без Барсика, но с котовозкой в руках.

– На помойку отнёс? – ядовито осведомилась Элис и тут же, не успев понять как, сама оказалась запертой, вернее застёгнутой на молнию, в той же самой переноске.

– А ну выпусти меня! Кому сказала! Живодёр!

В памяти всплыла недавняя телевизионная программа, где немецкий пастор говорил:

Когда нацисты хватали коммунистов, я молчал: я не был коммунистом.

Когда они сажали социал-демократов, я молчал: я не был социал-демократом.

Когда они хватали членов профсоюза, я молчал: я не был членом профсоюза.

Когда они пришли за мной – заступиться за меня было

уже некому.

«Но Барсик был котом, а я молчала – вот тебе, бабушка и Юрьев день! Могла бы и догадаться, чем это пахнет!» – сокрушалась Элис взаперти.

– Только бы не к ветеринарам, только бы не в ветлечебницу! – молилась она.

И её молитвы, видимо, были услышаны. Оказалось, что хозяин всего-навсего увёз её к своей бабушке. Бывать здесь Элис уже приходилось, и даже нравилось. Старушка жила одна, очень размеренно и спокойно. Про себя Элис называла это место санаторием с многоразовым питанием, ведь развести доверчивую бабушку на дополнительную порцию корма было делом пустяковым, как два пальца об асфальт. А главным плюсом санатория являлось полное отсутствие детей.

«Зря только боялась, трусомётка, – ложная тревога. Но надо заесть стресс, пойду-ка, мяукну, чтоб бабка меня попотчевала, главное – погромче надо, а то старушка стала немного туговата на ухо».

Десять дней в санатории пролетели стремительно, хотя были тихими и безмятежными. С удивлением Элис заметила, что ей даже немного не хватает детского шума и гама, какой-то хозяйской движухи, остроты событий и перемен. Здесь всё было неизменно и плавно, как в старческом сне. То и дело Элис вспоминала Барсика. Интересно, каково ему там, на улице? Наверное, мёрзнет, бедолага, голодает, по помойкам побирается, горемыка. Привык ведь уже к хороше-

му питанию и воспитанному обществу. Жалко мне его, пушистого дурачка. Могла бы разговаривать по-человечьи, – пожалуй, уговорила бы хозяев оставить его, не выгонять, а смилостивиться.

Однажды днём за Элис явился хозяин и увёз её домой в той же самой переноске.

– Соскучился, небось? Ну, погладь, погладь, так и быть, – улыбалась Элис.

По приезду домой выяснилось, что и Барсик вернулся. Ни на каких помойках он, оказывается, вовсе не побирался, а жил, как и Элис, вполне припеваючи, но у другой бабушки, хозяйкиной. Встреча на Эльбе прошла очень дружелюбно. Барсик трещал без умолку о проведённом отпуске, было невооружённым взглядом видно, что он необычайно рад вернуться в ставшие родными уже пенаты. Да и Элис отметила про себя, что рада видеть старого знакомца. В принципе, размышляла она, лёжа на подоконнике, и грея пузико в ласковых летних лучах, не так всё уж и плохо вышло – Барсик, по крайней мере, полностью переключил на себя внимание детей, ведь они совсем перестали меня гонять, жизнь-то налаживается. Да и с Барсиком всё-таки немного веселее стало жить, и себя в форме приходится держать, дабы не упасть в грязь лицом перед хозяевами, соответствовать, так сказать. А главное, что теперь есть поговорить с кем, обсудить дела наши кошачьи.